

RU

Карнавализация как элемент постмодернистской авторской игры в романе К. Рансмайра «Последний мир»

Дусина Н. В., Зотова Л. И., Абанина Т. С.

Аннотация. Цель исследования - определить специфику воплощения приема карнавализации в романе К. Рансмайра «Последний мир» (Die letzte Welt, 1988). В статье рассматриваются художественно-образные средства, с помощью которых писатель оформляет реальность особым игровым образом. Основное внимание уделяется «Метаморфозам» Овидия, ставшим сюжетно-композиционным и содержательным ядром текста австрийского автора. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые комплексному рассмотрению подвергается поэтика романа «Последний мир», детально изучаются мифологические архетипы, авторские эксперименты со временем и т.п. В результате доказано, что карнавал дает возможность К. Рансмайру совместить античный хронотоп с современными реалиями.

EN

Carnivalization as an Element of Postmodernist Author's Play in C. Ransmayr's Novel "The Last World"

Dusina N. V., Zotova L. I., Abanina T. S.

Abstract. The paper aims to identify the specificity of realizing the carnivalization device in C. Ransmayr's novel "The Last World" (Die letzte Welt, 1988). The article considers artistic figurative means with the help of which the author arranges the reality in a special playful way. The main focus lies on Ovid's "Metamorphoses" which have become a plot-compositional and content core of the Austrian author's text. The scientific originality of the research lies in the fact that it considers the poetics of the novel "The Last World" in an integrated manner for the first time, studies the details of mythological archetypes, the author's experiments with time, etc. As a result, it has been proved that carnival gives C. Ransmayr the opportunity to combine ancient chronotope with modern realia.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение воплощения приема карнавализации как элемента постмодернистской авторской игры в романе К. Рансмайра «Последний мир», с нашей точки зрения, принципиально важно для понимания проблематики и поэтики этого произведения австрийского писателя, переведенного на 24 языка мира.

Достижение цели работы предполагает решение ряда задач: 1) прояснить роль мифологических образов в романе; 2) выявить механизм действия приема карнавализации; 3) проследить взаимосвязь мифа и современности в художественном пространстве романа «Последний мир».

Для осмысления приемов авторской игры в романе К. Рансмайра «Последний мир» в статье нашли применение такие методы исследования, как контекстно-интерпретационный, герменевтический и сравнительно-исторический.

Теоретической базой работы послужили фундаментальные труды М. М. Бахтина о феномене карнавализации (1990; 2000), а также исследования творчества К. Рансмайра (Арская, 2008; Давыдова, 2003; Ерохин, 2009; Ковтун, 2014; Кухта, 2018; Кучумова, 2010; Плахина, 2007; Райнеке, 2002; Роганова, 2007; Тарнаруцкая, 2008).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемая в статье проблема карнавализации в романе К. Рансмайра «Последний мир» может лечь в основу материалов лекций и практических, семинарских занятий по курсу «Истории зарубежной литературы».

Основная часть

Роман австрийского писателя К. Рансмайра «Последний мир», увидевший свет в 1988 году, свидетельствует о непреходящем интересе современных читателей и специалистов к творчеству Овидия. На франкфуртской книжной ярмарке «Последний мир» был назван лучшим европейским романом 1989 года, а текст произведения, по мнению А. В. Плахиной (2007), «буквально пронизан австрийской проблематикой тех лет и австрийским мироощущением» (с. 87).

В структурном отношении роман К. Рансмайра ориентирован на «игру с реальностью», определяется передвижением сюжета из реально-исторической области в сферу фикционального. В «Последнем мире» изображены события, уводящие читателя в эпоху античности, конкретнее – древнего Рима. При этом творческая мысль писателя сосредоточена на реальных исторических фактах: «северной ссылке» и трагической гибели античного поэта Овидия Назона от рук представителей тоталитарной власти. В этом гибридном постмодернистском романе, как его видят исследователи творчества К. Рансмайра, судьба поэта, с одной стороны, принадлежит античному миру, а с другой – обнаруживает приметы современной жизни в XX веке, такие как кино, реклама, издательское дело (Гладилин, 2012). Писатель акцентирует внимание не столько на личности самого Назона, сколько на истории выдуманного им персонажа – соратника Овидия по имени Котта, нашего современника. Судьбы живущих в разные эпохи людей на страницах романа пересекаются таким образом, что участь давно умершего ссыльного поэта специфическим образом воплощает Котта. В частности, он «повторяет» знаковые этапы пути Овидия: мучительно-долгое плавание в Томы на корабле «Тривия», преодоление первоначального отчуждения со стороны жителей железного города, воспринявшего его как врага; два похода в Трахилу на поиски поэта или его исчезнувшей книги. Затем Котта, как и Овидий в конце своей ссылки, решает остаться в Томах, так как в конце концов привыкает к этому суровому краю, непохожему на Рим, полюбив и поняв его, как и его жителей.

В свете вышесказанного особый интерес представляет тот принцип, которым руководствовался автор «Последнего мира», останавливая свой выбор на конкретных мифологических персонажах «Метаморфоз», составивших образную систему его романа. Используя и творчески преобразуя текст Овидия, обобщившего в свое время гигантское мифологическое наследие античности, К. Рансмайр задействует в своем произведении архетипы, вырванные им из их привычного окружения. Как правило, на страницах его романа они изображаются без традиционных атрибутов, а порой и вовсе превращаются в маски, скрывающие лица ряженных на карнавале в Томах. Это можно видеть на примере мясника Теря, который рядится на празднестве Фебом. Его вместе с женой Прокной можно причислить к героям «Метаморфоз», для которых К. Рансмайром предусмотрена отдельная сюжетная линия, развивающаяся во времени, она полностью совпадает с сюжетом Овидия.

На первый взгляд, выбор К. Рансмайром «Метаморфоз» Овидия в качестве сюжетной основы романа кажется неожиданным для современного художника слова. Однако ни в каком другом произведении не показана столь же наглядно переменчивость и бренность сущего, как в этой античной поэме. В соответствии с теорией М. М. Бахтина (1990, с. 11-12), карнавализация представляет собой совокупность восходящих к народной площадной культуре художественно-образных форм, с помощью которых оформляется реальность. В мировой литературе XX века повсеместное обращение к данному феномену было активизировано общим интересом к мифу.

«Метаморфозы» Овидия – источник творческого вдохновения Рансмайра, сюжетно-композиционное ядро текста, соотносимое с авторской интенцией и главной идеей произведения – о бессмертии настоящего поэта, вечности книги, сакральности слова, величии культуры, символами которых в романе выступают высеченные на каменных менгирах и записанные на тряпичных лоскутках слова из Овидиевых «Метаморфоз», свет, огонь и плодоносящая, вечнозеленая в любое время года трахильская шелковица, загадку которой не может отгадать Котта, но декодирует реципиент (Назон, 1977). Подобно тому, как нетленным продолжает свой путь в веках бессмертное художественное слово, так же и трахильская шелковица, символ поэзии, творчества, не подвластна времени и природным катастрофам. Когда Трахила была практически сметена с лица земли страшным камнепадом, чудесным образом уцелел лишь сад Назона, восстановленный с помощью Пифагора, «невредимой была и шелковица, вся в иссиня-черных ягодах» (Рансмайр, 1993, с. 144).

Часто роман «Последний мир» исследователи рассматривают в контексте магического реализма, поскольку его автор экспериментирует с категорией времени (Holmes, 2002). Повсеместно в художественном пространстве произведения античный мир органически переплетается с современным. Так, прибыв в Томы, Котта изучает расписание автобусов на остановке, вспоминает последнее выступление кумира, которое было организовано на стадионе с микрофонами, анализирует обстоятельства ссылки Назона, когда тот «привел в движение одного чиновника, который изготовил подробный отчет и разослал его по инстанциям; голос по телефону, который именовал стихи и гимны памфлетами» (Рансмайр, 1993, с. 52). Таким образом, время ощущается как отнесенная категория, восприятие которой во многом зависит от индивидуальной установки читателя. Интертекстуальное поле «Последнего мира» включает в себя античные, средневековые мифы, а также их литературное переложение творцами разных эпох: Овидием, Данте Алигьери, Францем Кафкой, Умберто Эко. В «Метаморфозах» находит воплощение ключевой замысел и центральная мысль автора, заключающаяся в том, что все, существующее на земле, в конце концов умрет, пространство, время и культура – относительные категории (Ковтун, 2014, с. 70-95). Хотя «магическое пространство» романа К. Рансмайра на первый взгляд реально, его нельзя отождествить с действительным географическим, историческим топосом, поскольку оно находится во власти каких-то своих магических закономерностей, не имеющих, однако, никакого отношения к мистике.

Следует сказать, что произведение К. Рансмайра достаточно подробно исследуется в отечественном литературоведении, так как представляет собой неисчерпаемый источник иллюстрирования фактов взаимопроникновения жанров и направлений в рамках одного текста (Кулешов, 2007). И уже сам факт литературоведческого многоголосья по поводу романа австрийского писателя дает нам основания выявить некий общий знаменатель. Как ни парадоксально, этим знаменателем стала поэтика карнавала, или выведенный М. М. Бахтиным раблезианский хронотоп.

На первый взгляд, мрачное искусство экспрессионизма и средневековая смеховая культура несовместимы. Но в данном обстоятельстве и заключается феномен произведения: в нем соседствуют и даже ассимилируются противоположные явления. Это связано в первую очередь с условностью заключения романа в те или иные эстетические или жанровые рамки. Так, спорным может оказаться причисление произведения к магическому реализму, ибо магический реализм предполагает придание волшебным явлениям статуса обыденных и тем самым отличается от собственно фантастики (Кухта, 2018). В романе же сын Молвы Батт превращается в камень, подобно своему мифологическому прототипу, однако в городе это происшествие вызывает бурный ажиотаж и не воспринимается горожанами как нечто тривиальное. Превращается в волка канатчик Ликаон и тем самым вызывает шок у Котты. С другой стороны, как обыденное начинает восприниматься им через долгое время пребывания в городе превращение в птиц мясника Теряя и его тучной жены Прокны.

Что же касается экспрессионизма, то общая тональность романа, действительно, мрачна: читателю постранично приходится наблюдать картины смерти и разрушения, боли и крика. Причины тому есть и объективные (город страдает от селей и потопа), и субъективные (герои статичны в своем развитии, вернее, в отсутствии какого-либо развития – они обречены, подобно обитателям маркесовского Макондо).

С точки зрения М. М. Бахтина (2000), в основе карнавализации лежат полифония (многоголосие) и смешение стилей, предполагающие переплетение элементов прозаической и стихотворной речи, различную тональность рассказа, соединение в одном контексте серьезного и смешного, высокого и низкого. В некоторых жанрах, по мысли литературоведа, на первом месте оказываются «двухголосые слова», за счет этого в них обнаруживается кардинально иное отношение к слову как к материалу литературного творчества. «Широко пользуются вводными жанрами – письмами, найденными рукописями, пересказанными диалогами, пародиями на высокие жанры, пародийно переосмысленными цитатами и др.; в некоторых из них... появляются различные авторские личины» (с. 189).

Каждый из вышеназванных признаков в той или иной степени реализуется в художественной ткани «Последнего мира». Ирония наряду с пародийностью, смешением высокого и низкого стилей используется здесь как основное средство создания персонажей. Многие эпизоды романа можно интерпретировать одновременно и как комические, и как трагические. Изменчива и фигура автора: он то играет роль интерпретатора Котты, то выступает всезнающим информатором, то перевоплощается в Назона. В повествование органично входят многочисленные вставные истории. Жители Томов – это одновременно и герои «Метаморфоз» Овидия, а путь Котты состоит в распознавании оживших в реальности сюжетов «Метаморфоз» Назона.

Подобные же «метаморфозы» автора вполне отвечают главному методу постмодернизма: игре с читателем. «Разрушение привычных представлений и стереотипов, эпатаж читательской публики и использование стратегий, призванных стимулировать читательский интерес к произведению, – все это следствия нарушения соглашений между современным автором и читателем. К. Рансмайр настолько увлечен этой игрой, что переносит ситуацию и на отношения “мифа” и “литературы” или, точнее, на отношения мифологического и художественного пространства, последовательно стирая все границы и отличия. И в финале романа происходит, наверное, самая невероятная метаморфоза: уже миф становится литературой, а она, в свою очередь, мифом» (Потехина, 2005, с. 81).

Именно в этот момент мы обнаруживаем, что и на содержательном, и на концептуальном уровне произведение австрийского писателя – это воплощение карнавального дискурса, в котором речь, диалог, стиль, язык претерпевают трансформацию за счет таких экстралингвистических факторов, как сведения об окружающем мире, точки зрения, культурные традиции, исторические факты и установки идеологического плана. Без всех этих знаний нельзя полностью понять вышеуказанные речь, стиль, диалог. Как главный герой романа, так и читатель, и автор – все вовлекаются в карнавал, не знающий разделения на зрителей и исполнителей. «Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной... это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны... в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» (Бахтин, 2000, с. 121).

С помощью карнавализации в «Последнем мире» передается в том числе и политическая подоплека. Она также служит цели создания образа Томов – «железного города», в котором сосредоточивается мифология Овидия, а населяющие его люди удивительным образом трансформируются в героев поэмы «Метаморфозы». Уже само название романа К. Рансмайра, как считает Е. В. Кухта (2018), соотносится с древнегреческим космогоническим мифом о последовательной смене в истории человечества четырех веков, среди которых железный век занимал последнее место.

Эту аллюзию можно толковать с весьма разных сторон. Для двух жителей Рима – реального Овидия и вымышленного Котты – Томы стали последним миром – краем света. Овидий «Последнего мира» вместе с тем сам становится легендой, метафорой искусства, уловившего изменчивость всех вещей, он перестает быть реальным человеком, перерастая в нечто большее. Котта, приехавший разыскивать утерянные рукописи, оказывается пойманным в ловушку этой метафоры.

В романе К. Рансмайра рисуется безотрадная картина, в центре которой располагается окруженный со всех сторон истощенными рудниками город, цветовая гамма которого ассоциируется с коррозией металла. Таким образом, мы видим, как живой и красочный мир Овидия проходит через призму современности, за счет чего в нем становится очевидной катастрофическая деградация настоящего. Сам К. Рансмайр хотел запечатлеть в «Последнем мире» полную драматизма современную действительность. В романе не находит воплощения ключевое противопоставление карнавала: приход мимолетной юности на смену угасающей старости. Центральные персонажи символизируют собой «старый мир»; в их власти находится город, постепенно разрушающийся оползнями и морской стихией. Гибель – вот удел молодых героев: умалишенный Батт превращается в камень, Итис погибает от рук собственной матери, рукодельница Арахна запечатлевает на своих полотнах агонию Икара.

В карнавальном действе его главные участники наделены определенными функциями, ими разыгрываются метафорические сцены смерти и возрождения правителя мира, воцарения и свержения самозванца. В такой интерпретации герои К. Рансмайра имеют непосредственное отношение к ключевым карнавальным образам: мясник Терей – это трикстер, знахарь и могильщик Дит играет роль проводника между этим и потусторонним миром, Прокна воплощает собой материнскую сущность, канатчик Ликаон выступает в функции оборотня и т.д. Согласно с законами карнавала, действующие лица наделены гиперболизированными чертами: смысл жизни Назона заключен исключительно в его творениях, правитель Август провозглашает диктатуру власти, стремится всеми силами изгнать из своего окружения людей творческих и независимых; Эхо мучается от того, что не в силах никому отказать. Объединяющим для всех них началом является то или иное отношение к уходящему времени.

Как известно, карнавальное празднество не обходится без такого действия, как переодевание героев, которое символизирует собой потерю самоотождествления – признак перерождения. В романе «Последний мир» читатель наблюдает не переодевание, а видоизменение персонажей на физиологическом уровне, что позволяет художнику раскрыть литературно-мифологическую подоплеку образов. Центральной в романе К. Рансмайра выступает метаморфоза, связанная с мифом о Терее, Прокне и Филомеле. Придерживаясь намеченной Овидием основной сюжетной линии, К. Рансмайр разбавляет ее красноречивыми деталями, с помощью которых акцентирует внимание на связи с архетипами.

В романе «Последний мир» Терей – это мясник, в лице которого обнаруживается архетип трикстера, выполняющего в романе структурообразующую функцию для всей его образной системы. По мнению Н. В. Дорфмана (2012, с. 168-171), трикстер – неотъемлемая часть карнавала М. М. Бахтина. Данный архетип символизирует первобытное, хаотичное начало. Исследователь приходит к закономерному выводу об устойчивом взаимодействии архетипа трикстера с карнавальным сознанием, находя точки соприкосновения между ним и карнавальным шутком.

Частные моменты карнавальной организации времени и пространства присутствуют в романе «Последний мир» в виде пересекающихся рядов (еды и питья, любви и смерти и т.д.). Так, торговка Молва приобретает калейдоскоп, но называет его «епископ». И здесь мы имеем дело одновременно и с «лицом высшего священнического сана» (сын Молвы – эпилептик Батт – боготворит устройство, рядом с которым проводит круглые сутки), и с тем, что исконно послужило зарождению этого понятия: епископ (др.-греч. «надзирающий, надсматривающий»). Карнавал казнит несовершенство «последнего мира» и, омыв его (пусть и не весельем, а всего лишь потом), преобразует и обновляет его: «Из града камней... после предстоящего смертоносного потопа возникнет новое человечество, вот такое грядущее Назон прочел ей в пламенах однажды зимним утром, всякий булыжник станет чудовищем! – кричала Эхо. Людей из камня предрекал ссыльный своему миру. Но этих-то людей, которые выползут из праха племени, погибшего от собственной волчьей ненасытности, скудоумия и жажды власти, поэт называл истинным человечеством, исчадием минеральной твердости, с базальтовым сердцем, серпентиновыми глазами, без чувств, без красноречия любви, но и без единой искры ненависти, сострадания и печали, столь же неподатливые, холодные и прочные, как скалы здешних берегов» (Рансмайр, 1993, с. 108).

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что в «Последнем мире» К. Рансмайра карнавализация, с одной стороны, выступает неотъемлемой частью авторской игры в контексте постмодернизма, а с другой – служит цели расширения проблематики произведения, представленной главным образом сферой социальных противоречий, политическим контекстом, онтологическим противоборством старого и нового, конфронтацией жизни и смерти, столкновением природного начала и цивилизации. Благодаря карнавализации усиливаются параллели «мир – книга (текст)», «мир – театральное действие», с помощью которых демонстрируется то, как художественное пространство произведения К. Рансмайра становится одновременно и пространством поэмы «Метаморфозы» Овидия. Мифологические образы «Последнего мира», в свою очередь, дают автору возможность совместить «античный» хронотоп с современными реалиями, делают очевидной зыбкость физических и социальных законов. Их трагическое толкование свидетельствует о намерении К. Рансмайра вовлечь читателя в игру по законам карнавала.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении творчества австрийского писателя К. Рансмайра, освещении различных аспектов его произведений.

Источники | References

1. Арская Ю. А. Абсолютное в деконструирующем сознании: парадигма творчества в русской и немецкой литературе постмодернизма: автореф. дисс. ... к. филол. н. Красноярск, 2008.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000.
4. Гладилин Н. В. Постмодернизм в литературе стран немецкого языка: генезис и основные тенденции развития: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2012.
5. Давыдова О. В. Художественное время как средство создания виртуальной реальности в литературном дискурсе: на материале немецкого языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2003.
6. Дорфман Н. В. Теория карнавала М. Бахтина в контексте коллективного бессознательного // В мире науки и искусства. Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XVIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Новосибирск: СибАК, 2012. Ч. II / отв. ред. А. Гулин.
7. Ерохин А. В. Диалог великих культур: очерки взаимодействия литературы и гуманитарного знания России, Германии и Австрии: монография. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2009.
8. Ковтун Н. В. Реальность и текст в прозе рубежа XX-XXI веков: «Последний мир» К. Рансмайра и «Кысь» Т. Толстой // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014.
9. Кулешов Р. Н. Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции // Аналитика культурологии. 2007. Вып. 1 (7). URL: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/1624-функциональное-значение-образа-трикстера-в-архаической-традиции.html>
10. Кухта Е. В. Кристоф Рансмайр // Современная зарубежная проза: учеб. пособие / ред. А. В. Татаринov. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018.
11. Кучумова Г. В. Роман в системе культурных парадигм: на материале немецкоязычного романа 1980-2000 гг.: автореф. дисс. ... д. филол. н. Самара, 2010.
12. Назон П. О. Метаморфозы: поэма. М.: Худ. лит., 1977.
13. Плахина А. В. Романы Кристофа Рансмайра и своеобразие австрийской прозы 1980-х - 1990-х годов. К проблеме национальной идентичности: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2007.
14. Потехина И. Роман Кристофа Рансмайра «Последний мир»: миф и литература: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2005.
15. Райнеке Ю. С. Исторический роман постмодернизма и традиции жанра: Великобритания, Германия, Австрия: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2002.
16. Рансмайр К. Последний мир. М.: Радуга, 1993.
17. Роганова И. С. Новая реальность в постмодернизме. Роман К. Рансмайра «Последний мир». М.: Глобус, 2007.
18. Тарнаруцкая Е. П. Проблема границы в постмодернистском романе: на материале романов Джона Барта: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2008.
19. Holmes A. Transformations of the Magical Real: Ransmayr and Garcia Marquez // Canadian Review of Comparative Literature. 2002. Vol. 29. Iss. 4. URL: <https://journals.library.ualberta.ca/crcil/index.php/crcil/article/view/10786/>

Информация об авторах | Author information

Дусина Наталья Викторовна¹
Зотова Людмила Ивановна², к. филол. н.
Абанина Татьяна Степановна³

^{1,3} Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск

Dusina Natalia Viktorovna¹
Zotova Lyudmila Ivanovna², PhD
Abanina Tatiana Stepanovna³

^{1,3} Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk

² National Research Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk

¹ dnv179@mail.ru, ² lizotova70@mail.ru, ³ ats40@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.11.2021; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): К. Рансмайр; карнавализация; хронотоп; мифологизация; постмодернизм; C. Ransmayr; carnivalization; chronotope; mythologization; postmodernism.